

К этимологии слов *ку́мбра*, *ку́морь*, *ку́моворот**

В беломорских говорах Русского Севера известно слово *ку́мбра* ‘тихая вода у берега до встречи двух обходных течений около острова’: «Кумору встречаем по Карельскому берегу, в Онежском тоже, в шхерах. На куморе отстоишься хорошо, но только на малом каком судёнышке» [Гемп, 2004, 317]; *ку́мбра* ‘спокойная вода от берега до встречного течения около острова’ [СРНГ, 16, 85]. Ср. семантически близкие слова с корнем *кум-*: новг. *кумови́ца* ‘обратное течение реки у берега’ [Маштаков, 1931, 53], новг. *кумови́к* ‘водоворот’ [НОС, 482], новг. *кумови́ца* ‘встречная вода у берега’ (1931), олон. *кумовни́к* ‘водоворот (в реке)’, дон. *ку́мова вода́* ‘встречная вода’ (1929) [СРНГ, 16, 85].

В значении ‘водоворот’ в XIX в. были известны слова арх. *ку́моворот*, *куноворот*, *ку́моворь* и *ку́новорь* [СРНГ, 16, 85]. В статье «*Ку́моворь*» (арх.) под знаком вопроса скрыта «непризнанная» лексема *ку́норовь* [Опыт, 97], допускается ошибочное написание [Там же]. По сведениям монахов Соловецкого монастыря, водоворот носит название *куно́ровать*: «У Соловецких к востоку не одну куноровать встретишь. Водовороты встречаются в салмах, они не все известны, зовем их кунороватыми» [Гемп, 2004, 317].

Топонимической экспедицией УрФУ зафиксированы близкие по семантике лексемы:

1) ‘место встречи нескольких течений, водоворот’ — *ку́моворь* и *ку́морь* (Арх.: Прим.), *кумовá* / *кумовна́ вода* (Арх.: Плес.), *кумина́ вода* (Влг., Белоз.);

2) ‘омут, глубокая яма в реке или озере’ — *ку́моворь* (Арх.: Прим.; Влг.: Ваш.), *ку́морь* (Арх.: Прим.), *кумови́к* (Арх.: Нянд.; Влг.: Выт.), *ку́моворот* (Влг.: Ваш.), *ку́мовороток* (Арх.: Прим.) [СГРС, 6, 269].

---

* Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2019 г.

В семантике слов с *кум-*, *кумор-* содержатся компоненты ‘встречное течение (возможно, в результате резкого столкновения)’, ‘движение по кривой’, ‘место (периодически повторяющейся) встречи потоков воды’, в которых реализуются признаки «изгиб», «столкновение», «вращение», «точка (место) соединения».

Этимологическое гнездо прибалт.-фин. *kumara* включает фин. *kumara* ‘согнутый, согнувшийся, сгорбленный’ (здесь и далее перевод наш. — Л. М.), *kumartaa*, *kumartua* (также *kymärä*, *kymärtää*, *kymärtyä*) ‘нагибать, наклонять, склонять’, карел. *kumarda-*, *-rdu-*, ливв. *kumarda-*, люд. *kumarduda*, вепс. *kumarta*, вод. *kummartä* ‘нагибать, наклонять, склонять’, эст. *kummardada* ‘согнувшись, сгорбившись, понурившись’ (ср. также эст. *kummer*, *kumer* ‘кривой, искривленный, изогнутый, выпуклый’), лив. *kumard* ‘нагибать, наклонять, склонять’, саам. *kommardelle-* ‘кланяться’, морд. *komams* ‘нагибать, наклонять, склонять’, *kumala-m* ‘сгибать; склонять’, венг. *homorú* ‘вогнутый; выпуклый’ [SKES, 3, 236].

В финно-угорских языках представлено также большое гнездо с корнем *kum(o)-*: фин. (*olla*) *kumossa* ‘(быть) опрокинутым, (лежать) вверх дном, вверх ногами’, *kumota* ‘опрокидывать, переворачивать’, *kumous* ‘переворот’, карел. *kuomallah*, люд. *kumaiduda* ‘идти / пойти вверх ногами’, эст. *kumm* ‘(дугообразный, изогнутый) купол, свод’, вод. *kummolä* ‘вверх дном’; в статье «*Kumo*» приводятся фонетические эквиваленты ливского, саамского, мордовского, зырянского, мансийского, хантыйского языков, содержащие семантический компонент ‘перевернутый, опрокинутый’; *kumo* сравнивается с *kumara* [SKES, 3, 237].

Приведенные материалы дают основания для следующих выводов.

1. Семантика русских диалектизмов и приведенных финно-угорских слов близка.

2. Соотношение прибалт.-фин. *kumara* и рус. *кумора* свидетельствует о передаче прибалтийско-финского *ä* русским *о*, что указывает на ранние этноязыковые контакты [см.: Матвеев, 2001, 134].

3. Сложные лексемы *кумоворот* и *кумовороть* по отношению к *ку́мороть*, *ку́норово(а)ть*, вероятно, являются вторичными — возникшими по аналогии с *водоворот*.

4. Для окончательных выводов требуются расширение базы поиска и более глубокий сопоставительный анализ.

Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. 2-е изд., доп. М. ; Архангельск, 2004.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2001.

Маишаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.

НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Импер. акад. наук. СПб., 1852.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под общ. ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001-. Т. 1-.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965-. Вып. 1-.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki, 1955–1981.

В. М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
mokienko40@mail.ru

Проблемы этимологизации фразеологических неологизмов*

Неологизмы являются неотъемлемой частью любого современного языка. Поток их в русском языке в перестроечный и послеперестроечный периоды стал особенно мощным. В этом потоке устойчивые словосочетания (в том числе фразеологизмы) составляют значимую долю — не менее четырех тысяч, ибо именно комбинации слов способны более точно и детализированно характеризовать новые объекты и явления.

Русская академическая неография благодаря проектам Ю. С. Сорокина, Н. З. Котеловой, Т. Н. Буцевой и их последователей с 1960-х гг.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии».

© Мокиенко В. М., 2019